

**Константин Николаевич
Батюшков**

В безбрежности

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-1
ББК 84-5

Константин Николаевич Батюшков

В безбрежности / Константин Николаевич Батюшков – М.: Книга по Требованию, 2011. – 56 с.

ISBN 978-5-4241-2239-2

Литературное наследие К.Н.Батюшкова невелико, но его систематически печатавшиеся стихотворения имели большое значение в литературно-общественном движении 10-х годов XIX века. Начиная с 1809 года, когда получила широкое распространение его сатира "Видение на берегах Леты", и кончая 1820 годом, когда вышли его антологические стихотворения, Батюшков, наряду с Жуковским, - самый крупный поэт, во многом определивший дальнейший расцвет русской поэзии. Еще современники оценили плодотворную деятельность поэта по совершенствованию стиха и поэтического языка.

ISBN 978-5-4241-2239-2

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Константин Бальмонт
В БЕЗБРЕЖНОСТИ
1895 — Зима

*Землю целуй, и неустанно ненасыти-
мо люби, всех люби, все люби, ищи вос-
торга и исступления сего.*

Ф. Достоевский

«Я мечтою ловил уходящие тени...»

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.
И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.
Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.
И внизу подо мною уже ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.
Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

ЗА ПРЕДЕЛЫ

*Вечность движенья —
Область моя;
Смерть и рожденье,
Ткань бытия.
Гете, Дух Земли*

БОЛОТНЫЕ ЛИЛИИ

Побледневшие, нежно-стыдливые,
Распустились в болотной глуши
Белых лилий цветы молчаливые,
И вокруг них шелестят камыши.
Белых лилий цветы серебристые
Вырастают с глубокого дна,
Где не светят лучи золотистые,
Где вода холодна и темна.
И не манят их страсти преступные,
Их волненья к себе не зовут;
Для нескромных очей недоступные,
Для себя они только живут.
Проникаясь решимостью твердою
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются с пышностью гордою
Белых лилий немые цветы.
Расцветут, и поблекнут бесстрастные,
Далеко от владений людских,
И распустятся снова, прекрасные, —
И никто не узнает о них.

«Все мне грезится Море да Небо глубокое...»

Все мне грезится Море да Небо глубокое,
Бесконечная грусть, безграничная даль,
Трепетание звезд, их мерцанье стоокое,
Догорающих тучек немая печаль.
Все мне чудится вздох камыша почернелого.
Глушь родимых лесов, заповедный затон,
И над озером пение лебедя белого,
Точно сердца несмелого жалобный стон.

НА ДАЛЬНОМ ПОЛЮСЕ

На дальнем полюсе, где Солнце никогда
Огнем своих лучей цветы не возрождает,
Где в мертвом воздухе оплоты изо льда

Безумная Луна, не грея, освещает, —
В пределах Севера тоскует Океан
Неумирающим бесцельным рокотаньем,
И, точно вспугнутый, крутится ураган,
И вдаль уносится со вздохом и с рыданием.
На дальнем полюсе, где жизнь и смерть — одно,
Момент спокойствия пред вечером подкрался: —
Все было ярким сном лучей озарено,
И только Океан угрюмо волновался.
Но вот застыл и он. Была ясна вода,
Огнистая, она терялась в пространстве,
И, как хрустальные немые города,
Вздыхались глыбы льдов — в нетронutom убранстве.
И точно вопрошал пустынный мир: «За что?»
И красота кругом бессмертная блистала,
И этой красоты не увидел никто,
Увы, она сама себя не увидала.
И быстротечный миг был полон странных чар, —
Полуугасший день обнялся с Океаном.
Но жизни не было. И Солнца красный шар
Тонул в бесстрастии, склоняясь к новым странам.

КАМЫШИ

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.
О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?
Мелькают, мигают, — и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.
Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.
В болоте дрожит умирающий лик,
То Месяц багровый печально поник.
И тияой запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.
«Кого? Для чего?» — камыши говорят.
«Зачем огоньки между нами горят?»
Но Месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.
И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.

ПОДВОДНЫЕ РАСТЕНЬЯ

СОНЕТ

На дне морском подводные растенья
Распространяют бледные листья,
И тянутся, растут как привиденья,

В безмолвии угрюмой темноты.
Их тяготит покой уединенья,
Их манит мир безвестной высоты,
Им хочется любви, лучей, волненья,
Им снятся ароматные цветы.
Но нет пути в страну борьбы и света,
Молчит кругом холодная вода.
Акулы проплывают иногда.
Ни проблеска, ни звука, ни привета,
И сверху посылает зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

ПУСТЫНЯ

Я видел Норвежские фьорды с их жесткой бездушной красотой,
Я видел долину Арагвы, омытую свежей росой,
Исландии берег холодный, и Альп снеговые хребты, —
Люблю я Пустыню, Пустыню, царицу земной красоты.
Моря, и долины, и фьорды, и глыбы тоскующих гор
Лишь краткой окутают лаской, на миг убаюкают взор,
А образ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты,
Войдя, не выходит из сердца, навек отравляет мечты.
В молчаньи песков беспредельных я слышу неведомый шум,
Как будто в дали неоглядной встает и крутится самум,
Встает, и бежит, пропадает, — и снова молчанье растет,
И снова мираж лучезарный обманно узоры плетет.
И манит куда-то далеко незримая чудная власть,
И мысль поднимается к Небу, чтоб снова бессильно упасть:
Как будто бы Жизнь задрожала, с напрасной мечтой и борьбой,
И Смерть на нее наступила своею тяжелой стопой.

ЗМЕИНЫЙ ГЛАЗ

Датскому лирику Тору Ланге

Огней полночных караван
В степи Небес плывет.
Но кто меня в ночной туман
Так ласково зовет?
Зачем от сердца далека
Мечта о Небесах?
Зачем дрожит моя рука?
Зачем так манит прах?
Болото спит. Ночная тишь
Растет и все растет.
Шуршит загадочно камыш,
Змеиный глаз цветет.
Змеиный глаз глядит, растет,
Его лелеет Ночь.

К нему кто близко подойдет,
Уйти не может прочь.
Он смутно слышит свист змеи,
Как нежный близкий зов,
Он еле видит в забвении
Огни иных миров.
Не манит блеск былых утех,
Далек живой родник.
В болоте слышен чей-то смех,
И чей-то слабый крик.

ГИБЕЛЬ

Предчувствием бури окутан был сад.
Сильней заструился цветов аромат.
Узлистые сучья как змеи сплелись.
Змеистые молнии в тучах зажглись.
Как хохот стократный, громовый раскат
Смутил, оглушил зачарованный сад.
Свернулись, закрылись цветов лепестки.
На тонких осинах забились листки.
Запрыгал мелькающий бешеный град.
Врасплох был захвачен испуганный сад.
С грозой обняться и слиться хотел.
Погиб — и упиться грозой не успел.

«Вечерний свет погас...»

Е. А. Варженевской.

Вечерний свет погас.
Чуть дышит гладь воды.
Настал заветный час
Для искристой Звезды.
Она теперь горит,
Окутанная мглой,
И светом говорит
Не с Небом, а с Землей.
Увидела она,
Как там внизу темно,
Как сладко спит волна,
Как спит речное дно.
И вот во мгле, вдали,
Открыв лицо свое,
Кувшинки расцвели
И смотрят на нее.
Они горят в ночи,
Их нежит гладь воды,
Ласкают их лучи

Застенчивой Звезды.
И будут над водой
Всю ночь они гореть,
Чтоб с Утренней Звездой
Стыдливо умереть.

ИСПОЛИНСКИЕ ГОРЫ

Исполинские горы,
Заповедные скалы,
Вы — земные узоры,
Вы — вселенной кристаллы.
Вы всегда благородны,
Неизменно прекрасны,
От стремлений свободны,
К человеку бесстрастны.
Вы простерли изломы,
Обрамленные мохом,
Вы с борьбой незнакомы,
Незнакомы со вздохом.
Вы спокойно безмолвны,
Вас не тронут рыдания,
Вы — застывшие волны
От времен Мироздания.

КОВЫЛЬ

Точно призрак умирающий,
На степи ковыль качается,
Смотрит Месяц догорающий,
Белой тучкой омрачается.
И блуждают тени смутные
По пространству неоглядному,
И непрочные, минутные,
Что-то шепчут ветру жадному.
И мерцание мелькнувшее
Исчезает за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникает над курганами.
Месяц меркнет, омрачается,
Догорающий и тающий,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призрак умирающий.

ОКЕАН

СОНЕТ

Вдали от берегов Страны Обетованной,
Храня на дне души надежды бледный свет,
Я волны вопрошал, и Океан туманный

Угрюмо рокотал и говорил в ответ.
«Забудь о светлых снах. Забудь. Надежды нет.
Ты вверился мечте обманчивой и странной.
Скитайся дни, года, десятки, сотни лет, —
Ты не найдешь нигде Страны Обетованной».
И вдруг поняв душой всех дерзких снов обман,
Охвачен пламенной, но безутешной думой,
Я горько спросил безбрежный Океан, —
Зачем он странных бурь питает ураган,
Зачем волнуется, — но Океан угрюмый,
Свой ропот заглушив, окутался в туман.

«Вечно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море...»

Вечно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море,
Оба окутаны светом мертвенно-бледной Луны.
Ветер в пространстве смутился, смолк в безутешном просторе,
Небо, и Ветер, и Море грустью одною больны.
В холод гибнет и меркнет все, что глубоко и нежно,
В ужасе Небо застыло, странно мерцает Луна.
Горькая влага бездонна, Море синее безбрежно,
Скорбь бытия неизбежна, нет и не будет ей дна.

ЛЕБЕДЬ

Заводь спит. Молчит вода зеркальная.
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится, печальная,
Как последний вздох души.
Это плачет лебедь умирающий,
Он с своим прошедшим говорит,
А на небе вечер догорающий
И горит и не горит.
Отчего так грустны эти жалобы?
Отчего так бьется эта грудь?
В этот миг душа его желала бы
Невозвратное вернуть.
Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь.
Все, на чем печать непоправимого,
Белый лебедь в этой песне слил,
Точно он у озера родимого
О прощении молил.
И когда блеснули звезды дальние,
И когда туман вставал в глуши,

Лебедь пел все тише, все печальнее,
И шептались камыши.
Не живой он пел, а умирающий,
Оттого он пел в предсмертный час,
Что пред смертью, вечной, примиряющей,
Видел правду в первый раз.

БЕСПРИЮТНОСТЬ

СОНЕТ

Меня не манит тихая отрада,
Покой, тепло родного очага,
Не снятся мне цветы родного сада,
Родимые безмолвные луга.
Краса иная сердцу дорога,
Я слышу рев и рокот водопада,
Мне грезятся морские берега,
И гор неумолимая громада.
Среди других обманчивых утех
Есть у меня заветная утеха:
Забывать, что значит плач, что значит смех, —
Будить в горах грохочущее эхо.
И в бурю созерцать, под гром и вой,
Величие пустыни мировой.

НАД ПУЧИНОЙ МОРСКОЙ

Фаине***

Над пучиной морской, тяготея, повисла скала,
У подножья скалы бьются волны толпой неустанной,
Греет зной ее камни, к ней ластятся ветер и мгла,
Но безмолвна она — в час ночной, в час зари златотканной.
Белоснежная тучка мелькнет и растает над ней,
Прощебечет блуждающих птиц перелетная стая,
Загорится, забрезжит за морем звезда золотая,
Небо вспыхнет в ответ мириадами синих огней.
Но не видя, не внемля, гранитная дремлет громада,
Если ж волны сильнее нахлынут, журча и звеня,
Словно шепчет она еле слышно: «Не надо... не надо...
Утишите волнение свое... Не будите меня...»

В ПЕЩЕРЕ

В пещере угрюмой, под сводами скал,
Где светоч дневной никогда не сверкал,
Иду я на ощупь, не видно ни зги,
И гулко во тьме отдаются шаги.
И кто-то со мною как будто идет,
Ведет в лабиринте вперед и вперед.
И, вскрикнув, я слышу, как тотчас вокруг,